

На правах рукописи

Воскобойников Олег Сергеевич

**Scientia naturalis и стили мышления
в Западной Европе XII–XIII веков:
тексты, образы, идеи**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история (средние века)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва–2018

Работа выполнена в Школе исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Официальные оппоненты:

Тогова Ольга Игоревна
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИВИ РАН

Краснова Ирина Александровна
доктор исторических наук, профессор
Северо-Кавказский федеральный
университет

Петров Валерий Валентинович
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный университет

Защита состоится «_____» октября 2018 г. в 12 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.249.01, созданного на базе Института всеобщей истории РАН по адресу: 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а (ауд. 1406).

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете ИВИ РАН, а также на сайте www.igh.ru

Автореферат разослан «_____» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Сокольская Нина Федоровна

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Настоящее диссертационное сочинение посвящено *scientia naturalis* и стилям мышления в культуре Западной Европы в XII–XIII веках. Под *scientia naturalis*, буквально «наукой о природе», «естествознанием», понимается тот род знаний о мире и человеке, который активно развивался в ряде стран в указанный период. Преемственность по отношению к ней физики Нового времени общеизвестна, однако многие нюансы в истории *scientia naturalis* на заре новоевропейской науки остаются не проясненными. Важной требующей разрешения научной проблемой следует считать необходимость раскрыть связь поисков и открытий в области *scientia naturalis* с общемировоззренческим, интеллектуальным фоном Запада в XII–XIII вв., с особенностями творческих подходов мыслителя, писателя и художника. Именно поэтому в диссертации предлагается всесторонне рассмотреть проблему соотношения *scientia naturalis* со *стилями мышления* мыслителей и художников, в творчестве которых отразилась картина мира зрелого Средневековья.

Объект и предмет исследования. К настоящему времени филологи и историки подготовили большое количество критических изданий текстов, отражающих трансформацию христианской картины мира в XII–XIII вв. – философских, богословских, экзегетических, литературных произведений. Одновременно более доступными стали и рукописи. Расширение круга доступных текстов привело, в свою очередь, и к расширению круга вопросов, к этим текстам обращенных, диалог между гуманитарными дисциплинами, изучающими Средневековье, вышел на новый качественный уровень. Благодаря двум этим основным факторам изучение картины мира, интеллектуальных практик, представлений, образов в интересующий нас период и в выбранном регионе представляет собой поле международного научного сотрудничества. Это ставит передо мной задачу внести посильный вклад в общее дело, как критическим изданием важного для истории знаний текста – «Физиогномики» Михаила Скота, так и переводами на русский язык нескольких уже критически изданных латинских текстов и, наконец, всесторонним анализом ряда актуальных и активно обсуждаемых в настоящее время вопросов.

Таким образом, **объектом** предлагаемой диссертации является комплекс текстов и произведений искусства XII–XIII вв., созданных или бытовавших на Западе, преимущественно в Италии и Франции,

т.е. таких исторических источников, в которых отразились развитие *scientia naturalis*, картины мира и формирование различных стилей мышления. Сами же *scientia naturalis* и возникшие в связи с ней стили мышления являются ее **предметом**.

Цель исследования в том, чтобы найти, проследить и охарактеризовать изменения в западноевропейской картине мира на примере *scientia naturalis* и стилей мышления мыслителей и художников и показать историко-культурную преемственность между Ренессансом XII столетия и веком схоластики. Для ее достижения мы выполнили ряд **исследовательских задач**. Сначала я выделил ряд особенностей сознания мыслителей того времени, в которых хорошо видны изменения в их картине мира и системе интеллектуальных ценностей; затем я обратился к наследию Шартрской школы, чтобы определить ее роль и репрезентативность ее методов и идей в интересующем нас процессе; рассмотрел изменения в представлениях о небе, земном мире и человеке. Сведения, почерпнутые из письменных источников, я апробировал на материале фигуративных свидетельств – произведений искусства. Наконец, важной задачей исследования, его необходимой основой я счел введение в научный оборот новых текстов. Эту задачу я разделил на две составляющих. 1. Первое критическое издание по всем имеющимся рукописям латинского трактата Михаила Скота «Физиогномика», самого раннего средневекового сочинения, специально посвященного этому новому для изучаемого периода роду знания. 2. Комментированный перевод размером оригинала латинского прозиметра Бернарда Сильвестра «Космография», вершины латинской словесности Шартра. Указанные задачи обусловили **структуру диссертации**, о которой будет сказано чуть ниже.

Хронологические рамки исследования совпадают с периодом зрелости средневековой культуры. Такой выбор связан с поставленной целью. Около ста лет, после знаменитой, переведенной на все европейские языки книги Чарльза Хаскинса, принято говорить о «Ренессансе XII века». И точно так же резонно выделяют и следующее столетие – век высокой схоластики, сумм, соборов, Людовика Святого и Фомы Аквинского. Более того, всякий профессиональный историк схоластики представит ряд доводов, почему Фома – настоящий схоласт, а поколение Абельяра – предшественники схоластики. Различия действительно налицо, многие из них нам предстоит изучить, чтобы понять динамику. Вместе с тем ни суммы, ни соборы не возможны без находок предшествующего времени, прежде всего того удивительного поколе-

ния, к которому принадлежали столь разные фигуры, как Абельяр, Бернард Клервосский, Гуго Сен-Викторский, Гильом Коншский, Теодорих Шартрский, Бернард Сильвестр, Гильом из Сен-Тьерри. Их произведения я сопоставлю с некоторыми крупными текстами мыслителей тринадцатого столетия, которые, как хотелось бы продемонстрировать, продолжили дело своих предшественников, оставшись во многом верными тем стилям мышления и литературным кредо, которые некорректно было бы называть схоластикой, но которые от этого не теряют своего непреходящего историко-культурного значения.

В том, что XIII век намного вернее предшествующему столетию, чем может показаться, я убедился в начале пути, изучая интеллектуальный и художественный мир Фридриха II Гогенштауфена, императора Священной Римской империи и короля Сицилии, одного из самых просвещенных государей первой половины XIII века. Чтобы понять истоки открытий времен Фридриха II, Людовика IX Святого, Альфонсо X Мудрого я и предпринял несколько лет назад планомерное изучение и перевод ряда классических и ряда мало изученных текстов XII столетия, связанных так или иначе с космологией, *scientia naturalis*. Мной руководило и руководит желание ввести эти тексты в научный оборот как в отечественной истории культуры, так и в мировой медиэвистике. Таким образом, в диссертации описывается интеллектуальный мир двух столетий, что не помешает мне периодически выходить за их рамки: если бы потребовались в качестве вех имена, я назвал бы современника и участника Григорианской реформы Петра Дамиани на нижней границе и Данте Алигьери – на верхней.

Географический охват поиска также обусловлен его конечной целью, но тоже нуждается в разъяснении. Основной материал предоставили Италия и Франция. Именно в этих землях *scientia naturalis* нашла отклик в достаточно широких кругах церковной и светской образованной элиты. Политические и этнические границы в истории средневековой культуры не более оправданы, чем изучение средневековой истории по границам современных западноевропейских государств. Европейский союз возник в прошлом столетии в том числе потому, что у него единые корни в латинской христианской культуре. Поэтому Италия и Франция в нашей диссертации – не «парадигмы», не «культурные модели», не «эталоны». Они – поле исследования, а памятники словесности и изобразительного искусства, созданные на землях древней Галлии и на Апеннинском полуострове достаточно репрезентативны, чтобы что-то понять в общеевропейском развитии.

Тем не менее, это не значит, что нас будут интересовать голоса лишь итальянцев и французов, даже если учитывать условность этих этнонимов для рассматриваемого периода. Неслучайно Данте для нас итальянец, но родившийся на той же земле Петр Дамиани скорее «италиец», хотя бы потому, что, в отличие от Данте, не Италия его волновала. Иоанн Солсберийский – англичанин, но современники и потомки иногда числили его среди «шартрцев». Михаил Скот – шотландец, научившийся всему в Толедо, а создавший свои главные произведения в Сицилийском королевстве, при императорском дворе. Гуго Сен-Викторский – из саксонской знати, но мы резонно называем его парижским магистром, потому что в Сен-Викторе прошла вся его жизнь. Вместе с магистрами, с интеллектуальной элитой, кочевали тексты, идеи, доктрины. Точно так же, вместе с мастерами и артелями, кочевали и художественные формы в искусстве. Учитывая это «великое переселение образов», как выразился когда-то Аби Варбург, и нам предстает нередко выходить за обозначенные темой нашего сочинения границы.

Источниковая база исследования

Реконструкция *scientia naturalis* и стилей мышления в XII–XIII вв. возможна только при комплексном сравнительном изучении письменных и фигуративных источников. Определить тот или иной источник в первый или второй разряд, как ни странно, не всегда легко, поскольку зачастую речь идет об иллюстрированных рукописях и о произведениях искусства, где текст входит в художественный образ, но я все же разделю обзор на две части.

Большая часть используемых в диссертации письменных источников написана на латыни, основном языке интеллектуальной культуры Средневековья. Это следует подчеркнуть, ведь всем известно, что Ренессанс XII века отмечен в том числе рождением и бурным ростом литературы на новых языках – окситанском, старофранцузском, средневерхненемецком, к которым в первой половине XIII в. присоединились диалекты итальянского вольгаре. Интересующие меня предметы отразилась, конечно, и в эпосе, и в поэзии, и в романе на новых языках, не говоря уже о «Божественной комедии». Я не игнорирую эту литературу, но планомерное ее изучение, успешно развивающееся и в нашем литературоведении, требует специфической компетенции, которой я не обладаю. Кроме того, введение в нашу науку именно латинской словесности рассматриваемого периода кажется мне делом, в котором мой вклад будет более ощутим. Интеллектуальная культура, при

всей важности постепенного перевода ее на новые языки и, следовательно, вывода ее на новые социальные рубежи, развивалась в первую очередь на латыни, однако не только в церковных кругах.

Среди использованных источников можно выделить те, которые стали предметом углубленного анализа, полного или частичного перевода, критического издания, и те, которые использованы как бы в качестве «фона». К последним относятся многочисленные сочинения античных авторов и Отцов Церкви. Платоновский «Тимей», некоторые сочинения Аристотеля, псевдо-герметический «Асклепий», Лукреций, Цицерон, Сенека, Птолемей, классика древнеримской поэзии, вдохновлявшие интеллектуалов XII–XIII вв. встречаются на страницах диссертации постоянно, но я не ставил перед собой задачи анализировать их содержание в контексте той цивилизации, которая их создала. То же касается ряда арабских текстов, прежде всего по астрологии, астрономии и медицине, которые активно переводились и осмыслились на Западе. Многие из них критически изданы и введены в историю науки относительно недавно, поэтому я посчитал своим долгом не только прочесть эти тексты, но и ввести их в анализ ориентирующихся на них латинских сочинений Шартрцев и их последователей.

Понимая, что христианская древность, патристика – это совершенно особый мир, требующий опять же особой компетенции, прежде всего филологической, богословской и философской, я решил опираться на сочинения четырех латинских Отцов – прежде всего, Августина, Амвросия, в меньшей степени Иеронима и Григория. К этим латинским авторам следует прибавить и несколько греческих, чьи сочинения были в XII веке доступны на латыни и нашли отклик в латинской культуре¹. Практики чтения христианских «классиков» в XII–XIII вв. давно и плодотворно изучаются. Сами мыслители нашего периода подсказывают, как много для них значили Отцы, а когда какой-то мыслитель по какой-то причине критикует или просто обходит стороной авторитетное суждение Августина или Амвросия, это может служить для историка важным эвристическим признаком.

---

¹ Немезий Эмесский. О природе человека / Пер. Ф.С. Владимирского. М., 1998. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры / Пер. Д.Е. Афиногенова, А.А. Бронзова, А.И. Сагарды, Н.И. Сагарды. М., 2002. *Nemesius episcopus. Premnon physicon a N. Alfano archiepiscopo Salerni in latinum translatus* / Ed. K. Burkhard. Leipzig, 1917. *Iohannes Damascenus. De fide orthodoxa. Burgundionis versio* / Ed. E.M. Buytaert. N.Y., 1955.

Scientia naturalis и стили мышления, естественно, отразились во всей письменной культуре Италии и Франции. В этом необозримом море я отбирал тексты по следующему принципу: во-первых, меня интересовали такие сочинения, которые можно назвать значительными событиями в истории мысли, а если не побояться ко многому обязывающего термина – шедеврами. Во-вторых, для того, чтобы осознать репрезентативность шедевров, я искал тексты, значение которых либо вовсе игнорируется, либо недостаточно оценено в историографии, тексты, зачастую небольшие по размеру, не претендующие на литературное новаторство, но именно своей типичностью репрезентативные. Наконец, я принципиально стремился представить все формы и жанры словесного творчества: проповедь, аскетический трактат, комментарий на авторитетный античный текст, библейскую экзегезу, послание, космологический трактат, дидактическую поэзию малого и крупного масштаба, прозиметр, сумму, зеркало, схоластический quodlibet, астрологический трактат, законодательный памятник.

Хотя типология исторических источников по Средневековью, публикуемая не одно десятилетие бельгийским издательством Brepols, предлагает медиевисту солидное подспорье, подсказывая, какой именно жанр следует видеть в том или ином тексте, наши исследования свидетельствуют, что границы жанров, их функции и способы прочтения современниками оставались размытыми. Мы найдем проповедь внутри трактата по физиогномике, а в космологическом прозиметре, литературной фикции, – мотивы аскетического трактата. Трактат или поэма всегда посвящались покровителю или другу, часто облекались в форму письма. Значит ли это, что мы должны разбирать трактат по формуляру послания? Совсем не обязательно. Но мы должны учитывать присутствие адресата за кадром и не забывать задавать самим себе вопросы филолога и семиолога: кто говорит? кому говорит? зачем говорит? Это не значит, что средневековый мыслитель не понимал, что и зачем он делает. Но обмен мотивами, переключка жанров и форм – реальность культурной жизни рассматриваемого периода, которая должна быть осмыслена с источниковедческой точки зрения.

Назову основных крупных авторов, чье творчество репрезентативно для интеллектуального развития своего времени. В первых главах я сконцентрировал внимание по преимуществу на мыслителях французского происхождения или творивших во Франции, начав, однако, с некоторых текстов уроженца Италии св. Петра Дамиани, автора XI в.: в его творчестве интересующий нас компромисс между аскетическим

«презрением к миру» и восхищением перед божьим творением нашел наиболее яркое выражение. Затем в центре внимания оказались цистерцианцы Бернард Клервосский и Гильом из Сен-Тьерри, викторинец Гуго Сен-Викторский, аббат Ключни Петр Достопочтенный. Все они оставили довольно обширное литературное наследие, в котором я выбрал лишь отдельные фрагменты, раскрывающие их взгляды на интересующие меня проблемы. Для Бернарда Клервосского это его раннее, но совершенно зрелое сочинение «Ступени смирения и гордыни», написанное в 1122–1125 гг. по просьбе Готфрида из Рош-Ванно, близкого друга автора по Сито². Гуго представлен «Дидаскаликоне», важнейшим памятником европейской педагогики, но интересным во все не только в этой сфере³. Гильом из Сен-Тьерри, близкий друг, почитатель и биограф Бернарда, известен своими инвективами против новаторов – Абельяра и Гильома Коншского. Но его трактаты и полемические послания говорят о том, что за полемическим задором скрывается крупный мыслитель, чье значение для истории христианской мысли по достоинству оценено лишь в последнее время⁴. Петр Достопочтенный, один из просвещенных прелатов своего времени, интересен прежде всего своими письмами, достойными лучших образцов богатой эпистолографии XII столетия⁵.

Отдельным блоком, но в связи с названными выше произведениями, выступает комплекс текстов, связанных с Шартрской школой. Издав в серии «Литературные памятники» первый в России свод шартрских текстов, как в моих переводах, так и в подготовленных специально для него переводах Р.Л. Шмаракова и П.В. Соколова, я предлагаю собственное видение Шартрской школы и считаю возможным говорить о «шартрских текстах» и Шартрцах как представителях большого интеллектуального движения⁶. К шедеврам, сыгравшим огромную

---

² *S. Bernardus. De gradibus humilitatis et superbiae // Id. Opera / Ed. J. Leclecrq, H.-M. Rochais. Vol. 3. R., 1963. P. 13–59.*

³ *Hugo de Sancto Victore. Didascalicon. De studio legendi / Ed. Ch.H. Buttmer. Washington, 1939.*

⁴ *Guillelmus a Sancto Theodorico. Opera omnia. Pars III: Opera didactica et spiritualia / Ed. St. Ceglar, P. Verdeyen. Turnhout, 2003; Id. Opera omnia. Pars V. Opuscula adversus Petrum Abaelardum et de fide / Ed. P. Verdeyen. Turnhout, 2007.*

⁵ *Letters of Peter the Venerable / Ed. G. Constable. Cambridge, Mass., 1967.*

⁶ Шартрская школа. Гильом Коншский. Философия. Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения. Бернард Сильвестр. Космография. Астролог. Комментарий на первые шесть книг «Энеиды». Алан Лилльский. Плач Природы / Изд. подг. О.С. Воскобойников. М., 2017.

роль в трансформации христианской картины мира как во Франции, так и за ее пределами, в том числе в Италии, можно отнести «Трактат о шести днях творения» Теодориха Шартрского, формально представляющий собой комментарий на начало Книги Бытия, «Философию» Гильома Коншского, дидактическое сочинение о строении мира, «Космографию» Бернарда Сильвестра, философскую поэму на тему космогонии, его «Комментарий на первые шесть книг ‘Энеиды’», наконец, знаменитый «Плач Природы» Алана Лилльского⁷.

Все названные тексты созданы в первой половине XII века либо в Шартре, либо связаны с ним теми или иными обстоятельствами, позволяющими говорить об идейном и литературном единстве. Творчество указанных авторов не ограничивается ими. Скажем, «Драгматикон» Гильома Коншского продолжает и раскрывает написанную двадцатью годами раньше «Философию»⁸. Но, подготовив полный перевод этого раннего, смелого, даже по-юношески задорного сочинения, я решил сконцентрироваться здесь именно на нем и на тех конфликтах, которые возникли в связи с его появлением. То же касается трактата Теодориха, автора, чей авторитет среди современников несопоставим с масштабом дошедшего до нас его наследия, в котором по сей день делаются открытия⁹. Если Гильом и Теодорих преподавали в Шартре, то Бернард Сильвестр, для нас Шартрец по духу, с не меньшим основанием может быть назван турецким магистром, поскольку преподавал в Туре. Но, посвящая свою «Космографию», одно из самых значительных литературно-философских произведений XII века, Теодориху, он не просто воздавал должное авторитету, но примыкал к тому интеллектуальному кругу, который как *pars pro toto* представлял этот ученый и канцлер собора. «Плач Природы» стоит несколько особняком: его цель в большой степени проповедническая, морализаторская, его форма, прозиметр, чередующий ритмизованную прозу с различными

---

⁷ *Commentaries on Boethius by Thierry of Chartres and his School* / Ed. N. Häring. Toronto, 1971. *Guillelmus de Conchis. Philosophia* / Ed. Gr. Maurach. Pretoria, 1980. *Id. Glosae super Platonem* / Ed. É. Jeuneau. Turnhout, 2006. *Bernardus Silvestris. Cosmographia* / Ed. P. Dronke. Leiden, 1978. *The Commentary on the First Six Books of the ‘Aeneid’ of Vergil Commonly Attributed to Bernardus Silverstris* / J. Jones, E. Jones. Lincoln, Nebraska, 1977. *Alanus de Insulis. De planctu naturae* / Ed. N.M. Häring // *Studi medievali. Ser. 3. Vol. 19.* 1978. P. 797–879. *Id. Anticlaudianus* / Ed. R. Bossuat. P., 1955.

⁸ *Guillelmus de Conchis. Dragmaticon philosophiae* / Ed. I. Ronca. Turnhout, 1997.

⁹ *Thierry of Chartres. The Commentary of the De arithmetica of Boethius* / Ed. I. Caiazzo. Toronto, 2015.

размерами высочайшей поэзии, и его общая канва подражают «Космографии», а через нее – позднеантичным образцам: Марциану Капелле, Макробию, Боэцию¹⁰.

Шартрские тексты разнятся как по литературно-философским задачам, так и по жанрам. Роднит их, во-первых, общий гуманистический настрой по отношению к классической древности, во-вторых, космологический интерес. Шартцы брались за калам потому, что им интересно мироздание и взаимоотношения Бога и человека в этом мире. Именно поэтому их творчество, с которым мне кажется необходимым познакомить отечественную медиэвистику, стало краеугольным камнем предлагаемого исследования. Однако, при всей значимости их сочинений, они не обрели бы для нас достаточно весомой репрезентативности, если бы мы не находили влияние их идей в текстах того же времени и у потомков вплоть до «Божественной комедии». Поэтому я сопоставляю шартрские тексты с другими сочинениями, как авторскими, так и анонимными, как полноценными трактатами, так и небольшими дидактическими стихотворениями, посланиями, предисловиями к переводам¹¹. Большинство этих текстов опубликовано, но есть и некоторые комментарии на медицинские тексты, связанные с Салерно, которые пока доступны лишь в рукописях, изучение которых лишь начинается: таковы т.н. «Комментарий Дигби» на «Исагог» Иоанниция и «Малые глоссы на Тегни» Варфоломея Салернского¹².

---

¹⁰ *Macrobius*. In *Somnium Scipionis* / Ed. M. Armisen-Marchetti. T.1–2. P., 2003. *Боэций*. «Утешение философией» и другие трактаты / Сост. Г.Г. Майоров. М., 1990. *Martianus Capella*. *De nuptiis Philologiae et Mercurii* / ed. A. Dick. Stuttgart, 1978.

¹¹ *Lucentini P.* *Liber Alcidi de immortalitate animae*. Studio e edizione critica. Napoli, 1984. *Lecomte F.* Un commentaire scripturaire du XIIe siècle. Le “Tractatus in Hexaemeron” de Hugues d’Amiens // Archives d’histoire doctrinale et littéraire du Moyen-âge. Année 55. 1958. P. 227–294. *Johannes de Hauvilla*. *Architrenius* / Ed. W. Wetherbee. Cambridge, 1994. *Haye Th.* Ein hochmittelalterliches Gedicht über Erdbeben als Reflex der Chartreiser Naturphilosophie // Recherches de théologie et philosophie médiévales. Vol. 75 (1). 2008. P. 77–84. *Ernaldus abbas Bonaevallis*. *De operibus sex dierum* // PL. Vol. 189. Col. 1507–1568. *Daniel de Morley*. *Philosophia* / Ed. Gr. Maurach // *Mittellateinisches Jahrbuch*. Bd. 14. 1979. S. 204–255. *Milo*. *De mundi philosophia* / Ed. R. Pack // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 126. No. 2. 1982. P. 155–182. *Dales R.C.* *Anonymi De elementis: From a Twelfth-Century Collection of Scientific Works in British Museum MS Cotton Galba E.IV* // *Isis*. Vol. 56. 1956. P. 174–189.

¹² Oxford. Bodleian library. Ms. Digby 96. *Bartolomeus Salernitanus*. *Glosulae super Tegni*. München. Bayerische Staatsbibliothek. Clm 28219. Fol. 63v–76r.

Петр Альфонси, пиренейский сефард, принявший христианство около 1100 года, обращался к французским ученым, льстиво величая их «перипатетиками», намекая и на собственные странствия, приведшие его в Англию¹³. Герман Каринтийский, хорват, знаток новой математики и арабского, создал собственное замечательное космологическое сочинение «О сущностях» одновременно с шартцами, числил Теодориха в своих учителях¹⁴. Аделард Батский, тоже арабист, был так же, как Гильом Коншский или Бернард Сильвестр, открыт для новых открытий¹⁵. Наконец, многое из открытой в Шартре космологической проблематики было воспринято литературой, формально не связанной ни с космологией, ни с экзегезой. Это и латинский эпос, вроде «Александриды» Вальтера Шатильонского и «Илиады» Иосифа Эксетерского, и элегическая комедия, как «Милон» Матвея Вандомского или «Павлин и Полла» апулийского юриста Риккардо из Венозы¹⁶. Подобные тексты, известные западному литературоведению, но фактически неизвестные в нашей стране, позволяют нам увидеть Шартрскую школу в широком историко-культурном контексте, при этом не размывая ее самое до какого-то неопределенного «духа Шартра» или Ренессанса XII века *вообще*. Я не постулирую, что Шартр и его тексты стоят у истоков трансформации христианской картины мира, что они ее и «трансформировали». Мы видим в них *характерные черты* этого процесса, наблюдаемого как в шедеврах, так и в памятниках, если можно так выразиться, «второго эшелона». И главное, именно здесь *scientia naturalis*, творчески осмысленная, стала стилем мышления интеллектуалов.

Третья и четвертая главы призваны раскрыть космологию и антропологию Шартра в текстах следующего за ним столетия, примерно с 1150-х до 1250-х гг. Я поставил перед собой задачу изучить ряд источников, в которых раскрываются представления о небесном мире, о видимом невооруженным глазом мире небесных светил и о невидимом мире ангелов. Речь идет прежде всего, но не исключительно, об астро-

---

¹³ *Tolan J. Petrus Alfonsi and his Medieval Readers*. Gainsville, 1993.

¹⁴ *Hermann of Carinthia. De essentiis* / Ed. Ch. Burnett. Leiden, Köln, 1982.

¹⁵ *Adelard of Bath. Conversations with his Nephew. On the Same and the Different, Questions on Natural Science, and On Birds* / Ed., transl. Ch. Burnett. Cambridge, 1998.

¹⁶ *Galtherus de Castellione. Alexandreis* / Ed. M. Colker. Padova, 1978. *Matheus Vindocinensis. Opera* / Ed. F. Munari. Vol. II–III. R., 1982–1988. *Иосиф Эксетерский. Илиада* / Пер. Р.Л. Шмараква. М., 2012. *Commedie latine del XII e XIII secolo* / A cura di S. Pittaluga. Genova, 1986.

логии, и в поле моего внимания попали все наиболее авторитетные тексты астрологического характера, создававшиеся в рассматриваемое время, а также их арабские источники, переведенные тогда на латынь¹⁷. Первые апологетические голоса первой половины XII века позволили нам изучить и осмыслить как культурное явление рождение того, что Франц Болль назвал «астрологическим способом мышления» (*Astrologische Denkweise*).

Квинтэссенцию этого интеллектуального настроения мы находим в творчестве Михаила Скота, придворного переводчика и астролога Фридриха II. Его главный астрологический трактат «Введение», *Liber introductorius*, дошел в нескольких рукописях конца XIII–XIV вв., и пока издан лишь частично. «Введение» состоит из трех крупных книг: «Четырех дистинкций» (*Liber quattuor distinctionum*), «Книги о частностях» (*Liber particularis*) и «Физиогномики» (*Liber physonomie*). Из них первая – самая крупная, превышает по объему обе следующие. Относительную самостоятельность книг почувствовали уже во времена Данте, и книги начали циркулировать отдельно. В наши задачи входит введение их в международный научный оборот.

Три года назад я опубликовал критическое издание «Книги о частностях», а здесь представляю в качестве приложения подготовленное к публикации во флорентийской серии *Micrologus library* критическое издание «Физиогномики». Мой *textus criticus* основан на хранящейся в Бодлейнской библиотеке рукописи, созданной в Северной или Центральной Италии примерно через три поколения после автора, около 1300 г., но все же представляющей текст намного более близкий к авторскому замыслу, чем инкунабулы и палеотипы, на которые до сих пор могли опереться исследователи его творчества и историки физио-

---

¹⁷ *Raymond de Marseille. Opera omnia. Tome I. Traité de l'astrolabe, Liber cursum planetarum* / Ed. M.-Th. d'Alverny (†), Ch. Burnett, E. Pouille. P., 2009. *Malewicz M.H. Libellus de efficatia artis astrologice. Traité astrologique d'Eudes de Champagne XIIe siècle // Mediaevalia philosophica polonorum. Vol. XX. 1974. P. 3–95. Abū Ma'Šar al-Balhī [Albumasar]. Liber introductorii maioris ad scientiam judiciorum astrorum* / Ed. R. Lemay. 9 volumes, Napoli, 1995–1996. *Al-Kindī. De radiis* / Ed. M.-Th. d'Alverny, F. Hudry // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. Vol. 41. 1974. P. 139–260. Al-Qabīṣī (Alcabitius). The Introduction to astrology* / Ed. Ch. Burnett, K. Yamamoto, M. Yano. L., 2004. Предисловие к анонимному переводу «Альмагеста», которое мы специально рассматриваем и даем в полном переводе, опубликовано Хаскинсом: *Haskins Ch.H. Studies in the History of Medieval Science. Cambridge, 1929. P. 191–193.*

гномики¹⁸. Аппарат учитывает разночтения по трем рукописям тоже итальянского происхождения и по первому венецианской изданию, выполненному в 1477 г. Якопо да Фивидзано¹⁹. Первая из этих рукописей, хранящаяся в Амброзианской библиотеке в Милане, настолько близка оксфордской по стилю письма, миниатюр и специфической итальянской орфографии, что можно предполагать их происхождение из одного скриптория. Вторая, созданная в 1370-х гг. и хранящаяся сегодня в лондонском Институте Уэлкам, достаточно верна первым двум. Манускрипт из коллекции Росси Ватиканской апостолической библиотеки создан примерно на полвека позже, тоже в Северной Италии и свидетельствует о постепенной деградации текста. В нем около тридцати пропусков строк, в основном гомеотелевтических, целый ряд терминов не понят, переименован или попросту опущен. Эта деградация, связанная, возможно, с недостаточным авторитетом автора в глазах потомков, продолжилась и дальше, потому что венецианское издание уже являет нам текст, во многих местах выходящий за рамки бессмыслицы.

Знакомство с творчеством Михаила Скота показывает его идейное родство не только с милыми его сердцу арабскими астрологами, но и с христианской картиной мира предшествующего столетия. Схожую ориентацию я обнаружил у его современника и, пожалуй, одного из самых оригинальных поэтов своего времени – Григория Святогорца, аббата монастыря Святой Троицы на мысе Гаргано в Апулии. Его поэма «Об обожении человека» и малые поэтические произведения написаны одновременно с «Введением», в 1220–1230-х годах²⁰. Как ни странно, она известна даже в западноевропейской науке намного меньше, чем творчество Скота, знаменитого хотя бы тем, что своими переводами ввел в обиход аристотелевскую физику. Влияние поэмы

---

¹⁸ О рукописях «Введения» более подробно см.: *Voskoboinikov O. Le Liber particularis de Michel Scot // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age. 2014. Vol. 81. P. 249–259.*

¹⁹ Milano. Biblioteca Ambrosiana. Ms. L 92 Sup; Città del Vaticano. Biblioteca apostolica Vaticana. Ms. Rossi. IX 11; London, Wellcome library, ms. 507; *Michael Scotus. Liber physiognomiae. Editio princeps. Venezia, [Jacopo da Fivizzano], 1486.*

²⁰ *Pabst B. Gregor de Montesacro und die geistige Kultur Süditaliens unter Friedrich II. Mit text- und quellenkritischer Erstedition der Vers-Enzyklopädie Peri ton anthropon theopiisis (De hominum deificatione). Stuttgart, 2002. Kindermann U. Der Dichter vom Heiligen Berge: Einführung in das Werk des mittellateinischen Autors Gregor von Montesacro, mit Erstedition und Untersuchungen. Nürnberg-Darmstadt, 1989.*

Григория не сопоставимо с влиянием шартрских текстов, поскольку она известна лишь в двух южно-итальянских рукописях. Однако в истории культуры *наличествующий* текст – уже событие, и локальность литературного события не противоречит его значению как свидетельства об интеллектуальных поисках своего времени.

Масштабные литературно-философские и научные проекты XIII века вообще далеко не всегда обретали интерес у читающей публики. «Роман о Розе» не стал бы тем, чем стал, если бы Жан де Мен не взялся пятьдесят лет спустя дописывать начатое никому не известным Гильомом де Лоррисом, переиначив весь его замысел. Лотарио де Сеньи написал трактат «О ничтожестве человеческого состояния»²¹. Это сочинение суммировало великую традицию и в компактной, литературно и идейно стройной форме передало ее всей последующей эпохе. Некоторые изучаемые в диссертации тексты «дожили» до эпохи книги и были напечатаны, часто под чужими именами и под разными названиями. Во всех конкретных случаях я отмечаю это специально, поскольку это важно для истории европейской мысли: что-то из находок XII–XIII вв. осталось в этих столетиях, что-то, напротив, полноправно вошло в культуру Возрождения и Нового времени.

В представленной базе источников соседствуют тексты, не сопоставимые по роли, сыгранной ими в большой временной перспективе. Я осознаю эту разницу в масштабах, но осознаю и тот простой факт, что эти историко-культурные масштабы складываются под влиянием целого ряда факторов, имеющих прямое отношение к источниковедческим принципам работы медиевиста, от элементарной случайности (рукописи, к сожалению, горят) до факторов не культурных, а религиозных, политических, социальных. «О ничтожестве человеческой природы» написан очень талантливым и вдумчивым человеком, но также кардиналом, которому суждено было стать самым могущественным понтификом Средневековья. «Введение» написано астрологом, который неслучайно оказался в дантовском аду с вывернутой назад головой: легенда о шотландском магистре, дожившая до времен Роберта Бёрнса, начала формироваться, видимо, сразу после его смерти, что не могло не сказаться на судьбе его сочинений, пусть не забытых вовсе,

---

²¹ *Лотарио де Сеньи. О ничтожестве человеческого состояния* / Пер. И.И. Аникьева // *Polystoria. Зодчие, конунги и понтифики в средневековой Европе* / Отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2017. С. 261–325. *Lotharius cardinalis. De miseria humanae conditionis* / Ed. M. Maccarrone. Lugano, 1955.

но испорченных переписчиками и не слишком внимательными первопечатниками.

* * *

Перейдем к обзору фигуративных или, как чаще говорят, визуальных источников. Как и в случае с текстами, я подходил к их подбору руководствуясь хронологическими и географическими рубежами диссертации, однако периодически позволял себе экскурсы во времени и пространстве. Они объясняются теми же причинами. В жизни художественных форм, тем, мотивов, приемов мастерства в XII–XIII вв. наблюдается такая же не считающаяся с границами исторических областей динамика, как в жизни текстов. Нам не понять хрестоматийно известную улыбку на лице реймского ангела, если не пересечь границы Франции, чтобы на одном конце христианского мира похожую улыбку найти на лице пророка Даниила в Сантьяго-де-Компостела и улыбку Реглинды в Наумбурге – на другом. Тем не менее, большая часть изученных в диссертации памятников расположена или была создана на территории именно современных Франции и Италии.

За редкими исключениями все описанные и упомянутые памятники мы в разное время я видел своими глазами, поэтому предлагаю во всех случаях собственную трактовку, в большей или меньшей степени зависящую от существующей историографии. Как и с текстами, я стремился понять шедевры, сопоставляя их, во-первых, с произведениями второго эшелона, во-вторых, с недавно открытыми или мало изученными. Однако, воздавая должное, например, великим соборам, созданным в Иль-де-Франсе, Шампани или Бургундии, я не склонен искать в истории искусства некие центры, «столицы», из которых должны были распространяться по всей Европе некие заранее заданные схемы. На Западе в Средние века не существовало центра, сопоставимого в этом смысле по значимости с Константинополем, на который ориентировался весь христианский Восток. Домен Капетингов и королевский двор безусловно в какое-то время очень много сделали для распространения художественных вкусов, которые мы называем готическим стилем. Но, как покажет анализ культурной ситуации вокруг Людовика Святого, в том числе королевских рукописей из собрания Французской национальной библиотеки, многое двор воспринимал и переосмысливал, а не диктовал.

Не распространение мотивов или приемов как таковых интересует меня в первую очередь. Поскольку мы ищем в памятниках искусства

трансформацию картины мира, меня занимает отражение в них взаимоотношений между человеком и божеством, отношение мастеров и их заказчиков и критиков к наследию прошлого, к почитаемым образцам. Отсюда – внимание к текстам, сопровождающим или комментирующим изображения и памятники, как находящиеся непосредственно на них (например, надписи на тимпанах) или внутри них (в рукописях), так и писавшиеся мыслителями рассматриваемого периода в связи с развитием искусства своего времени. Я подробно разбираю критику, которой подвергли излишнюю на их взгляд свободу скульпторов и художников цистерцианцы Бернард Клервосский и автор поэмы «Художник в стихах»²². Но помимо критики я нашел и наполненные гуманистическим энтузиазмом свидетельства восхищения перед античной древностью. Таковы «Чудеса города Рима» Магистра Григория, английского путешественника, побывавшего в Риме около 1200 года. Таков трактат на вольгаре «Строение мира» художника и энциклопедиста Ресторо д'Ареццо²³.

Зачастую мой поиск памятников был обусловлен исследуемыми текстами. Например, давно известно, что специфический натурализм готической пластики, вылившийся в конце концов в возрождение круглой статуи задолго до Ренессанса, не был бы возможен без нового для XII–XIII вв. интереса к человеческому телу, без новых знаний о человеке. Поэтому исследование проблем антропологии логически подвело меня к описанию и анализу тех произведений пластики, где новаторство в изображении человеческого тела и лица так же очевидно, как, например, в «Физиогномике» Михаила Скота. Это, естественно, порталы Шартра и другие классические памятники, это хор Наумбурга, но и небольшие произведения из слоновой кости, создававшиеся для круга Людовика Святого, уцелевшие фрагменты убранства замков Фридриха II и камеи из его коллекции.

То же относится к наукам о небе: астрологические тексты и стоящая за ними картина жизни неба, представления о мировой гармонии, сложившиеся в умах интеллектуалов непонятны, если не сопоставить

---

²² *Pictor in Carmine: ein Handbuch der Typologie aus der Zeit um 1200. Nach MS 300 des Corpus Christi College in Cambridge / Ed. K.-A. Wirth, Berlin, 2006. Rudolph C. Things of Greater Importance. Bernard of Clairvaux's Apologia and the Medieval Attitude Toward Art. Philadelphia, 1991.*

²³ *Restoro d'Arezzo. La composizione del mondo / A cura di A. Morino. Parma, 1997. Magister Gregorius. Narracio de mirabilibus urbis Romae // Nardella Cr. Il fascino di Roma nel Medioevo. Le «Meraviglie di Roma di Maestro Gregorio». Nuova edizione riveduta ed ampliata. R., 2007.*

их с особенностями астральной иконографии, как унаследованной от Античности (в рукописях «Аратей» или Гигина), так и пришедшей из арабского мира. Я попытался реконструировать то магическое по своей природе «эффективное воображение» читателей астрологических рукописей, которое раскрывается при непосредственном анализе некоторых памятников, в частности, оригинальной «Астрологии» Георгия Фендула, «Астромагии» Альфонсо X Мудрого, переведенного с арабского трактата «Пикатрикс»²⁴.

Третий тип фигуративных источников, который возник на моем горизонте в связи с искомыми связями между *scientia naturalis* и стилями мышления, представляет собой нарративные циклы и дидактические диаграммы. Изобразительное искусство XII–XIII вв. во всех своих проявлениях создало совершенно особое соотношение того, что принято называть «иконностью» и «повествованием». На протяжении столетий оно выполняло две функции, стоящие за этими понятиями: во-первых, оно предоставляло верующему возможность молиться конкретному образу божества или святого, во-вторых, рассказывало доступными ему средствами священную историю, житие того же святого, героические деяния заказчика или заказчиков. Картина мира рассматриваемого периода настолько усложнилась и обогатилась новыми знаниями, что само это обогащение отразилось в возросшем вкусе к повествовательности, к большим нарративам. Вместе с тем, «открытие мира и человека», выражаясь словами Буркхардта, не повлекло за собой какого-либо обмирщения, напротив, как раз религиозность обрела новые формы, хорошо известные по классическим работам Л.П. Карсавина, Дж. Констебла, А. Воше.

Я выяснил некоторые особенности этой религиозности в двух конкретных памятниках конца XIII века, которые в привычном смысле слова нельзя отнести ни к произведениям искусства, ни к текстам. Это, во-первых, «Сад утешения», рукопись вероучительного характера из Северной Франции или Фландрии, состоящая почти полностью из полностраничных миниатюр²⁵. Во-вторых, это т.н. «Кредо Жуанвиля», небольшой комментарий на Апостольский Символ веры, написанный

---

²⁴ *Georgius Zotorus Zaparus Fendulus. Liber astrologiae.* Paris. Bibliothèque nationale de France. Ms. lat. 7330. *Alfonso X el Sabio. Astromagia* (Ms. Reg. lat. 1283^a) / a cura di A. d'Agostino. Napoli, 1992. Vaticano. Biblioteca apostolica. Ms. Reg. lat. 1283^a. Picatrix. The Latin Version of the *Ghāyat Al-Hakīm* / Ed. D. Pingree. L., 1986.

²⁵ Paris. Bibliothèque nationale de France. Ms. 9220.

знаменитым биографом Людовика IX на старофранцузском в Святой земле для утешения крестоносцев. Он снабдил свое утешительное сочинение серией миниатюр, волею судеб оказавшейся в составе миссала для церкви Сен-Никез в Реймсе, а миссал, в свою очередь, в составе коллекции Петра Дубровского попал в Санкт-Петербург²⁶. В обоих памятниках текст специфическим образом сочетается с изображениями, что предполагает опять же специфические приемы исторического анализа. Как нам представляется, корректное прочтение этих двух памятников позволяет реконструировать не только стоящий за ними порядок дискурса религиозной литературы тех лет, но и особенности сформировавшейся в XII–XIII вв. «бухгалтерии морали» и «разумной веры».

Методологические и методические характеристики диссертации обусловлены особенностями источниковой базы, использованием неоднородных по своей типологии и жанровой специфике текстов. Ее основой стал принцип историзма, предполагающий рассмотрение тех или иных исторических явлений в развитии, включая не только фиксацию самого момента их зарождения, но и детальный анализ процесса становления и изменения в связи с конкретно-историческими условиями, соблюдения исторической точности на каждом отдельном этапе работы. Вместе с тем проблематика диссертации, ее цель и задачи сделали необходимым обращение к принципам герменевтики, а именно – пониманию и правильному истолкованию понятого, выявлению смысла того или иного исторического источника. Именно герменевтическая и текстологическая критика источников, весьма неоднородных по своему характеру, возникших в разное время и в разных политических условиях, наряду с традиционным историко-филологическим анализом их содержания, стала в диссертации одним из основных методов работы.

Степень изученности проблемы

История средневековой интеллектуальной культуры как специфическая область знаний сложилась в начале XX в., в поколении Эмиля Маля, Вильгельма Фёге, Йехана Хёйзинги, Чарльза Хаскинса, Льва Карсавина и Петра Бицилли. Во второй половине XIX в. разработка технических приемов реставрации, описания и анализа памятников, филологической критики, первые факсимильные и фотографические воспроизведения иллюстрированных рукописей сделали возможными

---

²⁶ Санкт-Петербург. Российская национальная библиотека. Лат. Q. v. I, 78. Издание текста: *Friedman L. Text and Iconography for Joinville's Credo.* Cambridge, Mass., 1958.

первые опыты описания средневековой картины мира. И все же по сравнению с буркхардтовской «Культурой Италии эпохи Возрождения» эти опыты опоздали на треть века. Подавляющее большинство текстов XII–XIII вв. оставалось не изданным. Ситуация начала меняться к лучшему во второй половине XIX столетия, когда возникли первые кафедры истории средневековой философии, вслед за ними – средневекового искусства. Булла Льва XIII *Aeterni Patris* (1879) поспособствовала критической работе с сочинениями крупнейших мыслителей. Высшая церковная власть Запада стремилась таким образом заменить ту специфическую «картезианскую схоластику, смягченное картезианство, которое утвердилось в католическом образовании с XVIII века»²⁷.

Возникший на волне очередного католического ренессанса неотомизм стал, как известно, и формой философии, и формой исторического поиска. Целая плеяда глубоко верующих католиков заложила основы исторической интерпретации философских, научных, художественных достижений классического Средневековья: Этьен Жильсон и Мартин Грабман для философии, Пьер Дюэм, Жак Маритэн и Поль Танри для истории науки, Эмиль Маль – для истории искусства. Вместе с тем, булла XIX в. оставалась буллой со средневековыми функциями: требуемый ей «дух ангелического доктора» не мог не дать и соответствующего крена в гуманитарной науке, если она претендовала на свободу от религиозной ангажированности²⁸. Даже крупные мыслители XII–XIV вв. превращались в смысловую «раму» для портрета главного святого – Фомы Аквинского. Читая работы этих классиков медиэвистики, Жильсона, Грабмана, Шеню²⁹, мы должны понимать, что

---

²⁷ *Renan E. Souvenirs d'enfance et de jeunesse. Oeuvres complètes. T. II. P., 1948. P. 843.* Диссертации этого ученого, влияние которого в культуре своего времени трудно переоценить, были посвящены греко-латинским связям в Средние века и влиянию на средневековую схоластику ибн-Рушда. *Renan E. Avergoès et l'Averroïsme. Essai historique. P., [1866].* Первая диссертация Ренана, как ни странно, издана лишь недавно: *Renan E. Histoire de l'étude de la langue grecque dans l'occident de l'Europe depuis la fin du Ve siècle jusqu'à celle du XIVe / Ed. P. Simon-Nahum. P., 2009.*

²⁸ *De Libera A. Raison et foi. Archéologie d'une crise d'Augustin à Leibniz. P., 2003. P. 13–18.*

²⁹ *Chenu M.-D. La théologie au douzième siècle. P., 1966; Id. L'éveil de la conscience dans la civilisation médiévale. Montréal, P., 1969. Grabmann M. I Papi del Duecento e l'Aristotelismo. I. I divieti ecclesiastici di Aristotele sotto Innocenzo III e Gregorio IX. R., 1941; Id. Methoden und Hilfsmittel des Aristotelesstudium im Mittelalter. München, 1939.*

они считали своим долгом вернуть современной для них культуре не только Фому или Абеяра, но и давно забытые имена, тексты, стили мышления. Как и средневековые авторы, которым посвящено и мое исследование, поколение Жильсона и Грабмана решало для себя вечный вопрос о соотношении веры и разума, науки и Откровения, причем решало не только отстраненно, исторически, но и на мировоззренческом уровне³⁰. По счастью они не довольствовались тем, что стояло на полках в виде более или менее надежных изданий, но шли к рукописям. Титанический труд духовной наследницы Жильсона Мари-Терез д'Альверни характерный тому пример³¹. Одновременно с «Анналами экономической истории» Блока и Февра в 1920-х гг. возник «Архив доктринальной и литературной истории Средневековья» под руководством Жильсона и Тери³². Он поставил своей задачей публикацию как программных статей, так и эрудитских исследований по узким сюжетам и, что не менее важно, латинских текстов, зачастую довольно крупных. Требовалась принципиальная, вовсе не ограниченная неотомизмом интеллектуальная открытость и главного авторитета, и его последователей, чтобы понять, что средневековая мысль – не только философия, а философия в Средние века – не то же, что Платон, Кант или Бергсон. Поэтому поддержанная ими *histoire doctrinale et littéraire*, т.е. история идей и словесности, важная веха в изучении нашей темы.

Важной вехой в изучении картины мира XII–XIII вв. стало творчество гарвардского медиевиста Чарльза Хаскинса³³. Именно ему удалось сделать достоянием науки сейчас всем хорошо известное понятие «Ренессанса XII века». Но удалось ему это не потому, что он сумел описать культуру этого столетия как-то особенно убедительно и красочно, по-буркхардтовски, а потому, что в основе его метода и его преподавания, которому многим обязана американская медиевистика,

---

³⁰ Жильсон Э. Разум и Откровение в средние века // Богословие в культуре Средневековья / Отв. ред. о. Леонид Лутковский. Киев, 1992. С. 3–48. *Он же*. Дух средневековой философии. М., 2011. С. 26–52.

³¹ Ее работы 1940–1980-х гг. собраны в серии *Variorum: d'Alverny M.-Th. Études sur le symbolisme de la Sagesse et sur l'iconographie*. Aldershot, 1993; *Ead. La transmission des textes philosophiques et scientifiques au Moyen Âge*. Aldershot, 1994.

³² *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge*.

³³ *Haskins Ch.H. Studies in the History of Medieval Science*. Cambridge, Mass., 1924. *Id. The Renaissance of the Twelfth Century*. Cambridge, Mass., 1927; *Id. Studies in Medieval Culture*. Cambridge, Mass., 1929.

лежал непредвзятый, никем и ничем не контролируемый взгляд на рукописные научные тексты, на словесность и на лежащие за ней особенности сознания образованного европейца XII–XIII вв., на христианскую картину мира, трансформировавшуюся под влиянием контактов с арабским миром и, через него, с собственным античным наследием.

Хаскинс, как Блок и Февр в социальной и экономической истории, открыл новые пути. Смещение акцентов с центральных фигур на фигуры менее значимые подействовало на исследования о культуре XII–XIII вв. так же оздоровляюще, как формирование светской медиевистики в целом. Если вчитаться уже в первые работы Туллио Грегори о философии XII века, совершенно очевидно, что он видел свою задачу, не только историческую, но и общегуманитарную, в том, чтобы продемонстрировать свободу философии и человеческой мысли от религии во все времена, в частности – в Шартре Гильома Коншского³⁴. То же после Второй мировой войны в литературоведении показали на средневековом материале Эрих Ауэрбах и Эрнст Роберт Курциус³⁵. Для этих замечательных ученых, всегда корректно относившихся к роли христианской составляющей в истории средневековой мысли и словесности, важно было продемонстрировать, что этой составляющей принадлежала лишь одна из ролей, что словесность сохраняла свою самостоятельность по отношению к Откровению, что оно объясняет в средневековой культуре не все. В этом их дело сродни делу Февра и Бахтина.

Авторитетность и обоснованность такой позиции, пусть и не всегда лишенной модернизаторского пафоса ниспровержения идолов, возымела свой эффект. Например, Питер Дронке и Петер фон Моос с 1950-х гг. раскрывают те особенности ее поэтики, за которыми стоит трансформация картины мира³⁶. Новаторский взгляд на средневековую сло-

---

³⁴ *Gregory T.* Anima mundi. La filosofia di Guglielmo di Conches e la scuola di Chartres. Firenze, [1955]; *Id.* Platonismo medievale. Studi e ricerche. R., 1958; *Id.* Mundana sapientia. Forme di conoscenza nella cultura medievale. R., 1992; *Id.* Speculum naturale. Percorsi del pensiero medievale. R., 2007.

³⁵ *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976; *Он же.* Данте – поэт земного мира. М., 2004; *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, München, 1948.

³⁶ *Dronke P.* Fabula. Explorations into the Uses of Myth in Medieval Platonism. Leiden, Köln, 1974; *Id.* Intellectuals and Poets in Medieval Europe. R., 1992. *Von Moos P.* Geschichte als Topik: das rhetorische Exemplum von der Antike zur Neuzeit und die historiae im "Policraticus" Johannis von Salisbury. Hildesheim, N. Y.,

весность предложили Брайан Сток и Питер Годман. Два эти американских медиевиста отличаются особой чувствительностью к тому, что Фуко назвал «порядком дискурса», хотя первый, как и его учитель Льюис, католик, второй явно продолжатель Курциуса³⁷. В истории средневековой философии вопросы, поставленные Грегори, творчески разрабатываются в многочисленных работах Луки Бьянки, Алена де Либера, Алена Буро³⁸.

Современное междисциплинарное поле изучения средневековой картины мира невозможно без такого особого историографического явления, как история науки, области знания, оказавшейся на стыке точных и гуманитарных наук. Точные науки, достигшие, как известно, высокой степени самосознания к началу XX в., нуждались в историческом осмыслении собственного прошлого. Возникшая благодаря Карлу Зудхофу история медицины развивается в западных странах, например, в работах Кьяры Кришани, Йоле Агрими, Даниэль Жакар, Марилин Нику³⁹. Схожая ситуация может быть описана и на примере других, хотя и не всех, точных наук – математики, физики, астрономии. Существующий у нас с советских времен Институт истории естествознания и техники – активный участник этого международного

1988; *Id.* Entre histoire et littérature. Communication et culture au Moyen Âge. Firenze, 2005.

³⁷ *Stock Br.* Myth and Science in the Twelfth Century. A Study in Bernard Silvester. Princeton, 1972; *Id.* The Implications of Literacy. Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton, 1983. *Godman P.* The Silent Masters. Latin Literature and its Censors in the High Middle Ages. Princeton, 2000.

³⁸ *De Libera A.* La philosophie médiévale. P., 1993; *Id.* Raison et foi. Archéologie d'une crise d'Augustin à Leibniz. P., 2003; *Де Либера А.* Средневековое мышление. М., 2004. *Bianchi L., Randi E.* Le verità dissonanti. Aristotele alla fine del Medioevo. R., Bari, 1990; *Bianchi L.* Censure et liberté intellectuelle à l'Université de Paris. XIIIe-XIVe siècles. P., 1999. *Boureau A.* De vagues individus. La condition humaine dans la pensée scolastique. P., 2008; *Id.* La religion de l'État. La construction de la République étatique dans le discours théologique de l'Occident médiéval (1250–1350). P., 2008.

³⁹ *Jacquart D.* La médecine arabe et l'Occident médiéval. P., 1996; *Ead.* Recherches médiévales sur la nature humaine. Essais sur la réflexion médicale (XIIe–XVe s.). Firenze, 2014. *Agrimi I., Crisciani Ch.* Edocere medicos. Medicina scolastica nei secoli XIII–XV. Napoli, 1988; *Eaedem.* Per una ricerca su *experimentum-experientia*: riflessione epistemologica e tradizione medica (secoli XIII–XIV) // Presenza del lessico greco e latino nelle lingue contemporanee / ed. P. Janni, I. Mazzini. Assisi, Macerata, 1990. P. 9–49. *Agrimi I.* Ingeniosa scientia naturae. Firenze, 2002.

процесса. Однако западноевропейское Средневековье занимает в его работе относительно небольшое место, по крайней мере, после ухода из жизни В.П. Зубова, исследователя совершенно необъятных интересов и знаний и поэтому уникального⁴⁰. Отметим, однако, что в рамках истории философии многие из его начинаний продолжены в ряде работ П.П. Гайденко и А.В. Ахутина, в деятельности Центра античной и средневековой философии и науки Института философии РАН, в работах А.М. Шишкова и А.Г. Апполонова⁴¹.

Современник Зудхофа Аби Варбург сыграл очень важную роль в рождении современной науки об искусстве, вполне сопоставимую с делом других великих немцев и австрийцев его поколения⁴². Медиевистом он не был, но, будучи настоящим эрудитом, стремился понять Ренессанс как звено в непрерывной культурной цепи, от Античности до XIX века, которому он принадлежал. Доклады, делавшиеся у Варбурга историками искусства и философии, медиевистами и ренессансистами, от Панофского и Закля до Кассирера, Шрама и Либешюца. В Институте Варбурга, следуя заветам основателя, история мысли и история искусства пошли нога в ногу. В нашей же конкретной области работы его школы, одновременно со школами Хаскинса, Зудхофа и другими, показали, что средневековые формы знания, отправленные позитивизмом на обочину столбовой дороги истории, важны для объективного взгляда на исторического человека, средневекового в частности.

Опыт Варбурга показал, что уже около 1900 года на роль «науки о духе», *Geistwissenschaft*, стала претендовать и «наука об искусстве», *Kunstwissenschaft*. В творчестве великих немцев, австрийцев, швей-

---

⁴⁰ Зубов В.П. Аристотель. Человек. Наука. Судьба наследия. М., 2000; *Он же*. Труды по истории и теории архитектуры. М., 2000.

⁴¹ Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М., 1988; *Гайденко П.П.* Понимание природы и трактовка естествознания в средние века // *Космос и душа*. Вып. 2. Учения о вселенной и человеке в Античности, в Средние века и Новое время (исследования и переводы) / Ред. А.В. Серёгин. Москва, 2010. С. 240–317. *Философия природы в античности и в средние века* / Ред. П.П. Гайденко, В.В. Петров. М., 2000. *Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности, в Средние века и Новое время (исследования и переводы)* / Ред. А.В. Серёгин. М., 2005. *Интеллектуальные традиции античности и средних веков* / Ред. М.С. Петрова. М., 2010. *Шишков А.В.* Метафизика света. Очерк истории. М., 2012. *Его же*. На плечах гигантов. Очерки интеллектуальной культуры западноевропейского Средневековья: V–XIV вв. М., СПб., 2016.

⁴² *Варбург А.* Великое переселение образов. М., 2008.

царцев рубежа столетий она получила и свои базовые принципы, Grundbegriffe в терминологии Вёльфлина, и приемы описания и анализа памятников⁴³. Поколение Вильгельма Фёге, Августа Шмарцова, Алоиса Ригля и Макса Дворжака открыло путь медиевистике в этой новой науке. Юлиус фон Шлоссер дал медиевистам важнейшее подспорье: свод латинских текстов Средневековья, так или иначе повествующих о памятниках⁴⁴.

После этих кажущихся сейчас банальными открытий стало невозможно интерпретировать средневековый памятник на основе интуиции или сопоставляя его с заранее заданным, классическим идеалом. Это не значит, что все многочисленные ученики Ригля, Вёльфлина и Шлоссера мыслили одинаково. Формалист Фосийон подтрунивал над своим сверстником, иконологом Панофским: можно, конечно, искать на нескольких уровнях анализа несколько смысловых уровней загадочного изображения, но как только ты его нашел, оно вдруг ускользает и растворяется, если и было вовсе... Такой, на первый взгляд, агностический подход к памятнику, на самом деле, по-своему объясним⁴⁵. Но столь же велик был соблазн искать параллели между мыслью, словом и образом. Отсюда – уже послевоенные лекции Панофского о Сугерии и схоластике, реконструкция смысла шартрских порталов у Адольфа Катценелленбогена, отчасти «Рождение собора» Ганса Зедльмайра⁴⁶. Велико было стремление оказавшихся в эмиграции эрудированных немцев объединить усилия историков изображений и историков текстов. Таковы, например, работы Отто Пехта, Харальда Келлера, Герхарта Ладнера⁴⁷.

---

⁴³ Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств. М., 2002.

⁴⁴ Дворжак М. История искусства как история духа. СПб., 2001; Vöge W. Die Bahnbrecher des Naturstudiums um 1200 // Zeitschrift für bildende Kunst. Bd. 49. 1914. S. 193–216. Von Schlosser J. Quellenbuch zur Kunstgeschichte des abendländischen Mittelalters. Hildesheim, 1986.

⁴⁵ Фосийон А. Жизнь форм. М., 1995.

⁴⁶ Katzenellenbogen A. The Sculptural Programs of Chartres Cathedral. Christ — Mary — Ecclesia. N.Y., 1959; Sedlmayr H. Die Entstehung der Kathedrale. Zürich, 1950.

⁴⁷ Pächt O. Early Italian Nature Studies and Early Calendar Landscape // Journal of Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 13. 1950. P. 13–47; Id. Methodisches zur kunsthistorischen Praxis. Ausgewählte Schriften. München, 1977; Keller H. Die Entstehung des Bildnisses am Ende des Hochmittelalters // Römisches Jahrbuch für Kunstgeschichte. Vol. 3. 1939. S. 227–354. Ladner G.B. Ad imaginem Dei. The Image of Man in Mediaeval Art. Latrobe, 1965; Id. Medieval and Modern Understanding of Symbolism: a Comparison // Speculum. Vol. 54/2. 1979. P. 223–259; Id.

Названные исследователи, каждый на своем материале, научили поколения учеников сочетать историю идей с тем, что в парижской Высшей практической школе образно называют «геологией текста». Если всякое изображение, в какой бы технике оно ни было создано, требует морфологического разбора, называния всех видимых элементов теми названиями, которые этим элементам давали современники, такого же разбора требовал и текст, в частности, текст, подготавливаемый к критическому изданию. Высшая практическая школа в целом по сей день ставит во главу угла именно текст, который медленно читается и комментируется. Шестая ее секция, аудитория «Анналов», ставшая в 1970-х гг. Высшей школой социальных наук, сделала акцент на отраженных в текстах «представлениях», «ментальностях», «структурах». Однокашники по Высшей нормальной школе Ги Божуан и Жак Ле Гофф – типичные масштабные фигуры 1960–1980-х гг., в чьих семинарах и на чьих публикациях учились читать средневековые тексты те, кто намеревался посвятить себя истории мысли. Первый, почти лишенный зрения, всю жизнь отдал изучению неопубликованных текстов по истории науки, в особенности, на испанском материале⁴⁸. В школе Ле Гоффа «историю текстов», «историю идей», «историю науки» числили и числят по ведомству «эрудитов» из Высшей практической школы. В школе Божуана не любят говорить о «ментальностях» – не из духа противоречия по отношению к другому лагерю, но следуя иной расстановке акцентов. Стиль Божуана и поднятые им вопросы истории науки, передались Даниэль Жакар, историку астрологии Жану-Патрису Буде, Никола Вейль-Паро⁴⁹.

Images and Ideas in the Middle Ages. Selected Studies in History and Art. Vol. I–II. R., 1983.

⁴⁸ *Beaujouan G.* Le symbolisme des nombres à l'époque romane // Cahiers de civilisation médiévale. Année 4. 1961. P. 159–169; *Id.* The Transformation of the Quadrivium // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. R. L. Benson, G. Constable. Cambridge, 1982. P. 463–487; *Id.* La prise de conscience de l'aptitude à innover (le tournant du milieu du XIIIe siècle) // Le Moyen Âge et la science. Approche de quelques disciplines et personnalités scientifiques médiévales / Dir. B. Ribémont. P., 1991. P. 5–14.

⁴⁹ *Boudet J.-P.* Entre science et nigromance. Astrologie, divination et magie dans l'Occident médiéval (XIIe–XVe siècle). P., 2006; *Weill-Parot N.* Les «images astrologiques» au Moyen Âge et à la Renaissance. Spéculations intellectuelles et pratiques magiques (XIIe–XVe siècles). P., 2002; *Id.* Points aveugles de la nature. La rationalité scientifique médiévale face à l'occulte, l'attraction magnétique et l'horreur du vide (XIIIe–XVe siècle). P., 2013.

Если западная медиевистика, реконструируя картину мира Средневековья, может опереться на двухвековую традицию издания и переводов латинских текстов, в нашей стране эта традиция почти отсутствует. До Революции латинская средневековая словесность по понятным причинам публиковалась редко, Отцов издавали довольно много, но без комментариев, а за переводы обычно никто не отвечал – имена переводчиков скрыты за грифами духовных академий. В советское время по не менее понятным причинам переводы, за редчайшими исключениями, прекратились вовсе. Начинания и достижения прекрасных знатоков средневековой культуры – И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рожественской, П.М. Бицилли, Л.П. Карсавина, достойных представителей Серебряного века, не забыты, в нашей стране актуальны и сегодня, их сочинения переиздаются и заново переосмысляются. Иногда слышится даже что-то вроде «Вперед, к Карсавину!»⁵⁰ Но их рецепция не могла опереться на мало-мальски значительный корпус добротных переводов, Бицилли и Карсавину в эмиграции пришлось писать не о том, что занимало их в ранние годы, Гревс ушел в краеведение, О.А. Добиаш-Рожественская сконцентрировалась на истории письма.

Говорить о полном игнорировании истории средневековой культуры в советской историографии чуть ли не до прихода А.Я. Гуревича будет преувеличением. Однако следует признать, что отдельные статьи и очерки, и даже целая книга Н.А. Сидоровой об Абелиаре, вышедшая еще при Сталине, не могли сделать погоды и редко достигали внимания западных коллег. Ее же стараниями «пробитый» в престижные «Литературные памятники» Абелиар тоже выглядел данью «Оттепели». При том, что инстинктивно не хочется выделять нашу медиевистику в какую-то особую, «отечественную», отрасль, мы не можем игнорировать и всем хорошо известный и понятный факт ее многолетней «внеаходимости», преимущество весьма сомнительное.

В таком историографическом контексте следует рассматривать появление основных книг А.Я. Гуревича⁵¹. Если ему многое в текстах XII–XIII вв. мыслилось проявлением народной культуры в противовес

---

⁵⁰ Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015. С. 18. Здесь же можно найти прекрасный анализ и философии истории, и методологии Карсавина с точки зрения профессионального медиевиста.

⁵¹ Там же. С. 80–112; Гуревич А.Я. Диалог современности с прошлым. «Категории средневековой культуры» 35 лет спустя // Одиссей. Человек в истории. 2007. С. 5–18; Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство. Очерк христианской культуры Запада. 300–1300. М., 2015. С. 11–17.

культуре ученой, церковной, мне как раз это разделение кажется наиболее уязвимой из сквозных тем его творчества. Знакомство с текстами XII–XIII вв. не позволяет мне согласиться, что тривиальная обр-зность, встречающаяся у проповедников, общавшихся с «простоцами», отражает нечто «народное». Мы не раз увидим ее у тех, кого А.Я. Гуревич и Жак Ле Гофф числили среди «высоколобых», скажем, у Шартрцев. Предложенная А.Я. Гуревичем оппозиция объяснима, во-первых, той культурно-политической атмосферой, давление которой он, не будучи диссидентом, болезненно ощущал вплоть до Перестройки, во-вторых, влиянием «Анналов». Даже у таких тонких историков, как Ле Гофф и Шмитт нетрудно встретить чисто нищенское противопоставление «живого», народного по своим истокам мира представлений (*représentations*), которые и волнуют историка-антрополога, идущего вслед за Блоком, и неких «высших, но абстрактных форм мысли», которыми вроде бы занимается «история идей», догм, кем-то сверху кому-то навязанных⁵². Обоснованность такой позиции вызывает сомнения. Всякая культура, «нарождающаяся», «зрелая» или «увядающая», продолжает производство символов и смыслов. Развивалась и картина мира XII–XIII вв., что в нашей стране параллельно с Гуревичем, на материале географии, прекрасно показали, например, Е.А. Мельникова, Л.С. Чекин и А.В. Подосинов⁵³.

Третье и четвертое поколение «Анналов» продемонстрировали, что источниковая база истории человеческих чувств, верований, страхов, надежд, эмоций, жестов, повседневного поведения намного шире, чем казалось незадолго до них. Сам статус исторического свидетельства (во французской терминологии – *document*) изменился⁵⁴. Во-многом отвечая на вызовы постмодернизма, третье поколение «Анналов» переосмыслило и статус стоящего за «свидетельством» исторического факта. Изменение объекта исследования повлекло за собой изменение его предмета. Вместе с источниковой базой обновилась и темы: от повседневности поюсторонней ученики Ле Гоффа, вдохновляясь его

---

⁵² *Le Goff J., Schmitt J.-Cl. L'histoire médiévale // Cahiers de civilisation médiévale. X^e–XIIe siècles. Vol. 39. 1996. P. 15.*

⁵³ *Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998; Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999; Подосинов А. В. Ex Oriente lux! Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. М., 1999; Он же, Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г. Imagines mundi. Античность и Средневековье. М., 2013.*

⁵⁴ *Toubert P. Tout est document // L'ogre historien. P. 85–105.*

«Рождением чистилища», перешли к «повседневности» потусторонней, «бухгалтерии морали», «правосудию преисподней», жестам, ритмам, памяти (вслед за немцами) и даже самому Времени.

«Визуальный поворот», на который отреагировали ученики Ле Гоффа, по-своему сказался и среди других гуманитариев. Историки философии взялись за «археологию визуального»⁵⁵, историки искусства изучают и теорию образа, и конкретные памятники, школы, выясняют датировки и атрибуции⁵⁶. Интерес к сопровождающей средневековую литературу живописи коснулся и медиалистов-литературоведов⁵⁷. Среди историков искусства нетрудно найти внимательных читателей текстов. Так работали Майкл Камилл, Ганс Бельтинг в тот период, когда его интересовали Византия и средневековая Италия, а сейчас еще работают такие корифеи, как Герберт Кеслер в Балтиморе, Ролан Рехт в Страсбурге, Виллибальд Зауэрлендер в Мюнхене⁵⁸. В их исследованиях искусство XII–XIII вв. предстает действительно неотделимой составляющей общего культурного процесса, потому что они прежде всего отдают себе отчет в том, что тексты и образы живут близкой друг к другу, но все же самостоятельной жизнью.

Наконец, одним из самых актуальных и плодотворных, на мой взгляд, направлений междисциплинарного изучения христианской картины мира зрелого Средневековья, следует считать неформальную группу единомышленников, объединившуюся вокруг журнала «Micrologus» и проходящих под тем же кодовым названием конференций. Журнал возник в 1992 году по инициативе Агостино Паравичини Бальяни, историка средневекового папства, но также историка идей,

---

⁵⁵ *Boulnois O.* Au-delà de l'image. Une archéologie du visuel au Moyen Âge (V^e–XVIe siècle). P., 2008.

⁵⁶ *Wirth J.* L'image médiévale. Naissance et développements. VIe–XVe siècle. P., 1989; *Id.* L'image à l'époque romane. P., 1999; *Id.* L'image à l'époque gothique (1140–1280). P., 2008; *Id.* Qu'est-ce qu'une image? Genève, 2013.

⁵⁷ *Wenzel H.* Hören und Sehen, Schrift und Bild. Kultur und Gedächtnis im Mittelalter. München, 1995.

⁵⁸ *Camille M.* The Gothic Idol. Ideology and Image-Making in Medieval Art. Cambridge, 1989; *Id.* Image on the Edge: The Margins of Medieval Art. Cambridge, Mass., 1992. *Бельтинг Х.* Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002. *Belting H.* Das Ende der Kunstgeschichte? München, 1983. *Kessler H.* Seeing Medieval Art. Peterborough, 2004; *Id.* Neither God nor Man. Words, Images, and the Medieval Anxiety about Art. Freiburg, Berlin, Wien, 2007. *Pexm P.* Верить и видеть. Искусство соборов XII–XV вв. М., 2014. *Sauerländer W.* Romanesque Art. Problems and Monuments. L., 2004.

науки и, в какой-то степени, тоже историка-антрополога⁵⁹. Вновь поднятая им проблематика тела вышла за рамки политической истории, став одновременно и модной, и объединяющей для различных направлений поиска. Проект «Micrologus» – это попытка многоплановой реконструкции взаимоотношений человека, природы, божества, индивида и общества, христианина и иноверца. Организованная нами совместно три года назад московская конференция – звено в этой цепи⁶⁰. Характерно, что по целому ряду тем конференции «Micrologus» перекликаются и с многолетней работой группы «Власть и общество» под руководством Н.А. Хачатурян, и с ежегодными конференциями наших ренессансистов, организуемыми Л.М. Брагиной, и с целым рядом проектов медиевистов из Института всеобщей истории РАН. В конечном счете, цели этой работы, ведущейся каждым в своей области и в своей стране, состоят, во-первых, в том же поиске исторического человека, со всеми его мыслями и чувствами, который формулировали первые «Анналы» и последователи Варбурга, во-вторых, в публикации критических изданий мало знакомых текстов позднего Средневековья, за которую ратовали основатели медиевистики. Представленный в нашей диссертации трактат «Физиогномика» подготовлен для публикации в серии «Micrologus library» наряду с публиковавшимся ранее изданием «Книги о частностях».

Научная новизна. Представленный анализ источниковой базы и историографической ситуации позволяет констатировать следующее. К настоящему времени филологи и историки подготовили большое количество критических изданий текстов, отражающих развитие *scientia naturalis* и трансформацию христианской картины мира в XII–XIII вв. – философских, богословских, экзегетических, литературных произведений. В этом смысле сегодняшняя ситуация несопоставима с той, в которой находились многие наши предшественники. Расширение круга доступных текстов привело, в свою очередь, и к расширению круга вопросов, к этим текстам обращенных, диалог между гуманитарными дисциплинами, изучающими Средневековье, вышел на новый качественный уровень. Благодаря двум этим основным факторам изучение картины мира, стилей мышления, интеллектуальных практик, представлений, образов на Западе в интересующий нас пери-

---

⁵⁹ *Paravicini Bagliani A. Il corpo del papa. Torino, 1994. См. также: Id. Medicina e scienze della natura alla corte dei papi nel Duecento. Spoleto, 1991.*

⁶⁰ *Ideas of Harmony. in Medieval Culture and Society. Micrologus. Nature, Sciences and Medieval Societies. Vol. 25. 2017.*

од представляет собой поле международного научного сотрудничества. Это оправдывает мое желание внести посильный вклад в общее дело, как критическим изданием важного для истории знаний текста, переводами на русский язык нескольких уже критически изданных латинских текстов, так и всесторонним анализом ряда актуальных и активно обсуждаемых в настоящее время вопросов.

В предложенной формулировке интересующая меня тема не формулировалась в претендующих на обобщение монографических сочинениях. Более того, двенадцатое столетие даже в профессиональной, близкой нам среде, по сей день воспринимается отдельно от следующего, тринадцатого. За этим, на первый взгляд, невинным и логичным хронологическим барьером стоят устойчивые стереотипы интерпретации конкретных памятников, текстов и явлений культуры. Я предлагаю взглянуть на эти памятники, тексты и явления по-новому, в развитии, чтобы перед нами возникла не статичная «картина мира», а именно ее трансформация, не набор характеристик *scientia naturalis*, а диалектические связи, между тем, *о чем* думали и *что* изображали, и тем, *как* думали, *как* изображали. Тогда и сама мысль интеллектуалов, и приемы работы художников и скульпторов Италии и Франции станут перед нами в новом свете, что, в свою очередь, позволит пересмотреть бытующие даже в медиевистике анахронистические представления о шаблонности и традиционализме культуры Высокого Средневековья. Новизна предлагаемой диссертации также в том, что в рамках исторической специальности здесь проводится анализ тех письменных и фигуративных свидетельств, которые зачастую оказываются вне поля наших коллег по цеху. Целый ряд хорошо известных в мировой науке, «классических» памятников мысли и искусства сопоставляется со свидетельствами, только что открытыми, недавно опубликованными или только ждущими критических изданий.

Практическая значимость работы. Результаты исследования позволяют восполнить ряд пробелов в культурной и религиозной истории Средневековья. В научный оборот вводится критический изданный трактат Михаила Скота «Физиогномика». Отечественный ученый-гуманитарий получает в свое распоряжение несколько научно и литературно точных переводов, в особенности, прозиметра Бернарда Сильвестра «Космография». Эти результаты могут быть использованы при преподавании истории Средних веков и Нового времени, при подготовке общих и специальных курсов.

Апробация материалов исследования. Результаты представленных здесь исследований прошли апробацию как в выступлениях на конференциях, так и в выступлениях с докладами в ряде научных семинаров в Москве и за рубежом, на русском, английском, французском, немецком и итальянском языках, в тематических лекциях и лекционных курсах, которые мы читали в университетах Лондона (Институт Варбурга), Варшавы, Лозанны, Палермо, Франкфурта-на-Майне, Дюссельдорфа, Страсбурга и, в особенности, в академических аудиториях Парижа: в Высшей школе социальных наук, Высшей практической школе, в университете Новая Сорбонна Париж III, Высшей нормальной школе, университета Париж-Кретей. В Москве мы не раз выступали в семинарах по истории доклассической науки в Институте истории естествознания и техники РАН под руководством С.С. Демидова и Д.А. Баюка, по истории средневековой и античной философии под руководством В.В. Петрова в Институте философии РАН, по исторической антропологии под руководством С.И. Лучицкой в Институте всеобщей истории РАН, по истории христианской традиции Института мировой культуры МГУ им. М.В. Ломоносова, семинаре «Символическое Средневековье» (НИУ ВШЭ). Результаты исследований апробированы на следующих научных конференциях: «Наука и искусство в культуре Средних веков и Возрождения» (Институт истории естествознания и техники РАН, 2000); «Королевский двор в политической культуре средневековой Европы» (Кафедра истории Средних веков МГУ, 2001); «Проблема жанра в литературах Средних веков» (Институт мировой литературы РАН, 2002); Международный конгресс медиевистов (Лидс, 2003); «Комментарий в культуре: история и современность» (ИГИТИ ВШЭ, 2006); Всемирный конгресс историков средневековой философии (Палермо, 2007); «Terapie e guarigioni nel Medioevo» (Ариано Ирпино, 2008); «Verleugnete Rezeption. Fälschungen antiker Texte» (Фрайбург, 2011); «Les modèles et leur transmission en science et en littérature du Moyen Âge» (Париж, Университет Париж-Кретей, 2011); «Европейское Средневековье в XII веке: обретение форм» (Москва, ИВИ РАН, 2012); «Harmonia: idées de l'harmonie dans la culture et la société médiévale» (Москва, НИУ ВШЭ, 2013); «Statue. Rituali, scienze e magia dalla Tarda Antichità al Rinascimento» (Равенна, 2015); «The Body as a Mirror of the Soul: Physiognomy from Antiquity to the Renaissance» (Лёвен, 2016).

Основные положения опубликованы в 54 работах на русском, английском, итальянском, немецком и французском, в том числе, в трех

монографиях на русском и французском, общим объемом 167 печатных листов.

Положения, вынесенные на защиту:

1. Развитие *scientia naturalis*, отразившееся в текстах и образах, повлекло за собой изменение традиционной христианской картины мира, унаследованной зрелым Средневековьем от раннего Средневековья и формирование стилей мышления гуманистического типа.

2. Складывание неформальных «общностей по занятиям словесностью», которое зачастую относят к эпохе Возрождения, с не менее вескими основаниями можно отнести и к XII столетию. Шартрская школа, не будучи институтом трансляции знаний, не став университетом, представляет собой именно такую общность, по целому ряду признаков типологически схожую с кружками итальянских и североевропейских гуманистов XIV–XVI вв.

3. В диалоге между старыми и новыми моделями познания нехристианская образность проникла в широкие круги интеллектуальные круги Запада, как церковные, так и светские. Наиболее ярко этот процесс проявился в становлении «астрологического способа мышления».

4. В сравнительном анализе текстов и образов найдены методологически важные подходы, которые можно применять и на более широком историческом материале. Они уже позволили по-новому взглянуть как на некоторые проблемы истории идей, так и на давно обсуждаемый вопрос об истоках специфического готического натурализма, без которого немислимы открытия эпохи Возрождения.

Структура работы. Диссертация построена по проблемному принципу. Она состоит из введения; пяти глав, каждая из которых делится на параграфы; заключения; списка источников и литературы; четырех приложений.

Основное содержание работы

Во введении определяется актуальность темы исследования, рассматривается степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи диссертации, ее методологические и методические основы, объект и предмет исследования, устанавливается источниковая база.

Первая глава, «Стили мышления и модели познания в XII–XIII вв.», ставит своей целью осветить такие особенности сознания мыслителей того времени, в которых хорошо видны изменения в их картине мира и системе интеллектуальных ценностей и которые эти изменения обусловили. Мы начинаем с представлений о чуде и зако-

номерностях в жизни природы, соотношения традиционного для христианского сознания «презрения к миру» и восхищения божьим творением. Затем в поле нашего зрения оказывается любопытство, не просто черта характера какого-нибудь индивида, но предмет споров и морализаторства. За ним скрывается спор о природе и границах человеческого познания в целом. Наконец, вместе с интеллектуалами самого разного характера и темперамента мы посмотрели на амбивалентные фигуры их «авторитетов», от полупоупендарных Улисса и Соломона до вполне реального, но тоже отчасти мифологизированного Аристотеля, которому суждено было стать для схоластики Философом и, тем самым определить основные пути развития западноевропейской мысли.

Вторая глава, «Шартрская школа и рождение наук о природе», посвящена Шартрской школе, крупнейшему литературно-философскому явлению в жизни Франции первой половины XII в. Мы последовательно разобрали те произведения, которые представляют ее с достаточной объективностью и в должном многообразии. Хотя роль шартрских магистров в формировании нового взгляда на мир хорошо известна благодаря новейшим исследованиям, не существует ни обобщающей монографии о ней, ни даже объективной оценки ее роли в культуре своего времени. Сопоставление созданных в рамках Шартрской школы прозаических и поэтических текстов, поэм, трактатов, комментариев на Библию и «Энеиду» со схожими памятниками из других городов и регионов, а также с теми текстами прошлого, на которые шартрцы опирались, позволило предложить новую концепцию Шартрской школы и оценить ее конкретный вклад в трансформацию картины мира XII–XIII вв.

Третья глава, «Наследие Шартра. Человек и космос», призвана осветить распространение шартрских идей и шартрского стиля мышления во Франции и в Италии на примере космологии. В рамках космологии, т.е. представлений о мировой гармонии и мире в целом, мы решили сконцентрироваться на знаниях о небесах, причем на тех знаниях, которые претендовали на эмпирический опыт, прежде всего астрологии. Это не значит, что трансформация общей картины мира наблюдалась лишь в этой области. Но в средневековой иерархии ценностей небо, естественно, оказывалось предметом самым достойным для изучения и размышления, а судьбы подлунного мира инстинктивно подчинялись тому, что решается на небе, метафизическими силами. Именно поэтому подробный анализ ряда репрезентативных текстов и

иллюстрированных рукописей позволил увидеть те механизмы трансформации сознания, которые скрыты в других областях знаний.

Четвертая глава, «Проблемы христианской антропологии», должна вернуть читателя с небес на землю, от космологии – к антропологии, от небесных тел – к телу и душе человека. Такая логика навязывается опять же шартрским наследием, поскольку, открывая природу и возрождая древние тексты и учения о мире, шартрцы не забывали, что в центре христианской картины мира стоит человек. Мы выяснили, как именно в сознании интеллектуалов XII–XIII вв. сочетались представления о царственном достоинстве человека, венца творения, обладателя бессмертной разумной души, и уверенность в бренности его земного существования, врожденной греховности и слабости человеческого тела. Завершает главу анализ новой формы знания о человеке, получившей античное название физиогномики. Ее возникновению и первым успехам дается новая интерпретация, учитывающая как особенности литературного развития, так и рождение т.н. «готического натурализма» в изобразительном искусстве на рубеже XII–XIII вв.

Пятая глава «Картина мира в изобразительном искусстве», демонстрирует эвристические возможности детального и последовательного сопоставления текстов и образов. Задачи этой главы не только эмпирические, связанные с описанием, анализом и интерпретацией произведений, но и методологические. Чтобы определить, какую именно роль художники сыграли в трансформации картины мира своих современников, нам необходимо было постоянно учитывать, что и сама эта картина обуславливала их творчество. Чтобы не навязать памятникам ни наши сегодняшние представления, ни те идеи, которые в культуре того же времени высказывались в устной или письменной форме, мы применяем к каждому предмету те методы научной работы, которые этот предмет предполагает. Мы не пытаемся «прочитать» витраж или миниатюру глазами некоего абстрактного средневекового читателя, но реконструируем те интеллектуальные и зрительные практики, которые сделали возможным диалог между художником и ценителем времен великих соборов.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования. **Приложения** занимают важное место в структуре диссертации. Приложение I содержит комментированные переводы относительно небольших сочинений, в которых отразилось и развитие *scientia naturalis*, и формирование различных стилей мышления. Приложение II – подготовленное к печати критическое издание «Физиогномики» Михаила

Скота по всем дошедшим до нас рукописям. Приложение III – комментированный перевод «Космографии» Бернарда Сильвестра, впервые в мире сделанный с соблюдением поэтических размеров. Приложение IV – иллюстрации.

Основные положения работы отражены в публикациях:

Монографии:

1. *Воскобойников О.С.* Душа мира. Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II. М.: РОССПЭН, 2008. 550 с. 35 п.л.
2. *Воскобойников О.С.* Тысячелетнее царство. Очерк христианской культуры Запада. 300–1300. М.: НЛЮ, 2015. 550 с. 35 п.л.
3. *Voskoboynikov O.* Pour les siècles des siècles. Civilisation et culture chrétienne dans l'Occident médiéval. Paris: Vendémiaire, 2017. 350 с. 20 п.л.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых изданиях:

4. *Воскобойников О.С.* К истории книги в эпоху Возрождения // Средние века. Вып. 63. 2002. С. 468–475. 0,5 п.л. (совместно с Уваровой О.А.).
5. *Воскобойников О.С.* Новые подходы к традиционным вопросам // Одиссей. Человек в истории. 2002. С. 354–364. 0,8 п.л.
5. *Воскобойников О.С.* Ars instrumentum regni. Репрезентация власти Фридриха II и искусство Южной Италии первой половины XIII в. // Одиссей. Человек в истории. 2002. С. 169–199. 1,7 п.л.
6. *Воскобойников О.С.* Размышления об одном средневековом «ренессансе»: наука, искусство и политика при дворе Фридриха II. 1200–1250 // Одиссей. Человек в истории. 2004. С. 170–204. 2 п.л.
7. *Воскобойников О.С.* О языке средневековой астрологии // Одиссей. Человек в истории. 2007. С. 82–110. 2 п.л.
8. *Воскобойников О.С.* Свобода средневекового искусства // Новое литературное обозрение. N.99. 2009. С. 23–58. 1,8 п.л. (*Scopus*)
9. *Воскобойников О.С.* Три взгляда на средневековое искусство // Новое литературное обозрение. № 106. 2010. С. 289–307. 1,3 п.л. (*Scopus*)
10. *Воскобойников О.С.* Физиогномика, наука не для всех // Средние века. № 73 (1–2). 2012. С. 264–277. 1 п.л.
11. *Воскобойников О.С.* Праздное и непраздное любопытство в XII веке // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2012. № 2(10). С. 218–239. 1,5 п.л.

12. *Воскобойников О.С.* Снова о теле короля. Некоторые особенности поэтики оттоновской книжной миниатюры // *Одиссей. Человек в истории.* 2013. М., 2014. С. 177–204. 2 п.л.

13. *Воскобойников О.С.* Сколько тел у короля? // *Логос.* No. 99. 2014. С. 279–288. 1 п.л. (**Scopus**)

14. *Voskoboynikov O.* Le *Liber particularis* de Michel Scot // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge.* Année 81. 2014. P. 249–384. 7 п.л. (**Scopus**).

15. *Воскобойников О.С.* Молчание Абеяра. Письмо Петра Достопочтенного к Элоизе // *Средние века.* Вып. 77 (3–4). 2016. С. 53–66. 1 п.л.

16. *Воскобойников О.С.* «Дидаскаликон», или превратности перевода // *Средние века.* Вып. 78 (1–2). 2017. С. 366–375. 1 п.л.

17. *Voskoboynikov O.* Le Moyen Âge en quête de l'harmonie // *Ideas of Harmony in Medieval Culture and Society. Micrologus. Nature, Sciences and Medieval Societies.* Vol. 25. 2017. P. VII–XII. 0,5 п.л. (**Web of Science**).

18. *Id.* Deux harmonies en comparaison: Michel Scot et Grégoire du Mont Sacré // *Micrologus. Nature, Sciences and Medieval Societies.* Vol. 25. 2017. P. 169–196. 1,5 п.л. (**Web of Science**).

19. *Воскобойников О.С.* Ангелы и усярхи: поэтическая космология Бернарда Сильвестра // *Логос.* No. 127. 2017. С. 107–138. 1,5 п.л. (**Scopus**).

20. *Воскобойников О.С.* Гильом из Сен-Тьерри против Гильома Коншского: конфликт или диалог двух моделей познания? // *Диалог со временем.* Вып. 61. 2017. С. 159–173. (**Scopus**).

Другие работы:

22. *Воскобойников О.С.* Греческий элемент в культуре Сицилийского королевства при Фридрихе II (1220–1250) // *Кафедра византийской и новогреческой филологии.* 1. М., 2000. С. 61–75.

23. *Воскобойников О.С.* Итальянские города между империей и папством: 1150–1250 // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы.* Т. 4. Extra muros. Город, общество, государство / ред. А. А. Сванидзе. М., 2000. С. 167–184.

24. *Воскобойников О.С.* Гости в культурной жизни двора Фридриха II Штауфена // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда* / Ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2001. С. 245–260.

25. *Воскобойников О.С.* У истоков ренессансной книги: две рукописные версии трактата Фридриха II «Об искусстве соколиной охоты» // Книга в культуре Возрождения. М., 2002. С. 5–23.

26. *Воскобойников О.С.* Эмпиризм в «Книге об искусстве соколиной охоты» Фридриха II: к вопросу о рецепции аристотелевской натурфилософии в I половине XIII века // Homo historicus. К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного. Т. I. М., 2003. С. 452–479.

27. *Воскобойников О.С.* Fides enim certa non provenit ex auditu. Некоторые аспекты мировоззрения Фридриха II Штауфена (1220–1250) // От средних веков к Возрождению. Сборник в честь профессора Л. М. Брагиной. СПб., 2003. С. 96–120.

28. *Воскобойников О.С.* Достоинство человека в правовой и научной мысли Южной Италии первой половины XIII в. // Historia animata. Памяти Ольги Игоревны Варьяш. Часть 3. М., ИВИ РАН, 2004. С. 63–83.

29. *Воскобойников О.С.* «Мудрость короля рождается на небесах» // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал / Ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004. С. 411–454.

30. *Воскобойников О.С.* Нарратив и классификация в науке и искусстве XIII века // Жанры и формы в письменной культуре средневековья / Сост. Ю.А. Иванова. М., 2005. С. 63–80.

31. *Воскобойников О.С.* Достоинства целебных источников на Флегрейских полях, или культура тела при дворе Фридриха II // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 293–344.

32. *Воскобойников О.С.* Репрезентация власти и «искушение портретом». О нескольких изображениях Фридриха II // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 264–300.

33. *Воскобойников О.С.* Формы комментария во французской вероучительной литературе конца XIII века // Культура интерпретации до начала Нового времени / Науч. ред. О.С. Воскобойников, Ю.В. Иванова. М., 2009. С. 208–240.

34. *Воскобойников О.С.* «Стяжавший с небес душу Платона»: механика творения у Теодориха Шартрского // Космос и душа. Выпуск второй. Учения о вселенной и человеке в Античности, в Средние века и Новое время (исследования и переводы) / Ред. А.В. Серегин. М., 2010. С. 326–344 (совместно с П.В. Соколовым).

35. *Воскобойников О.С.*. О чем молчит булла 1245 года? Философские основания низложения Фридриха II // Власть и образ. Очерки по-тестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. С. 275–294.

36. *Воскобойников О.С.* Некоторые особенности государственного управления в Южной Италии // Властные институты и должности в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Ред. Т.П. Гусарова. М., 2011. С. 254–279.

37. *Воскобойников О.С.* Жан-Клод Шмитт: Четвертое поколение школы «Анналов» // Поколения ВШЭ. Ученики об учителях. М., 2013. С. 113–119.

38. *Воскобойников О.С.* Судьба человека. Средневековые путешествия Аристотеля между Востоком и Западом // Средневековая Европа. Восток и Запад / Отв. ред. М.А. Бойцов. М., 2015. С. 173–232.

39. *Воскобойников О.С.* Два голоса в пользу наук о небе в XII веке // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / Отв. ред. П.В. Соколов. М., 2015. С. 453–472.

40. *Воскобойников О.С.* Право на миф. Введение в поэтику Шартрской школы // *Polystoria*: цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе / отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2016. С. 139–182.

41. *Воскобойников О.С.* Литературные истоки готической физиогномики // *Polystoria*: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / Отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2017. С. 174–212.

42. *Воскобойников О.С.* Людовик IX Святой и культура его времени // Людовик Святой и реликвии Сент-Шапель. Каталог выставки. М., 2017. С. 26–49.

43. Шартрская школа. *Гильом Кониский*. Философия. *Теодорих Шартрский*. Трактат о шести днях творения. *Бернард Сильвестр*. Космография. Астролог. Комментарий на первые шесть книг «Энеиды». *Алан Лилльский*. Плач Природы / Изд. подг. О.С. Воскобойников. Пер. О.С. Воскобойников, Р.Л.Шмараков, П.В. Соколов. М.: Наука, 2017 (серия «Литературные памятники»). 434 с. 52 п.л.

44. *Voskoboinikov O.* *Ars instrumentum regni: the Representation of Frederick II's Power in the Art of South Italy, 1220–1250 // Images in Medieval and Early Modern Culture (Approaches in Russian Historical Research) / Ed. G. Jaritz u.a. Krems, 2003. S. 55–83.*

45. *Voskoboïnikov O.* Considérations sur une « renaissance » médiévale. Arts, savoirs et politique à la cour de Frédéric II, 1200–1250 // *Mediaeval Sophia*. No.8. 2010. P. 30–59.

46. *Voskoboïnikov O.* Thérapie du corps et thérapie de l'âme à la cour frédéricienne // *Terapie e guarigioni / A cura di A. Paravicini Bagliani*. Firenze, 2010. P. 261–302.

47. *Voskoboïnikov O.* Tre sguardi sull'arte medievale: a proposito dell'immagine in saggi di Olivier Boulnois, Jean Wirth e Jérôme Baschet // *Mediaeval Sophia*. No. 10. 2011. P. 280–299.

48. *Voskoboïnikov O.* Texte et image dans deux versions de l'*Art de chasser avec les oiseaux* de Frédéric II // *Spicae. Cahiers de l'Atelier Vincent de Beauvais*. No. 3. 2013. P. 1–34.

49. *Voskoboïnikov O.* Idle and useful curiosity from Peter Damiani to Dante / Working papers by Basic Research Programme. Series HUM "Humanities". 2013. No. 30/HUM/2013.

50. *Voskoboïnikov O.* Dignité et misère de l'homme selon Michel Scot, avec un excursus sur la vie intellectuelle de la cour de Frédéric II // *Coexistence and Cooperation in the Middle Ages / Ed. A. Musco, G. Musotto*. Palermo, 2014. P. 1553–1569.

51. *Voskoboïnikov O.* L'image d'Aristote et la construction des modèles intellectuels au XIIIe siècle // *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*. 2014. No. 27. P. 73–96.

52. *Voskoboïnikov O.* Lieux, plans et épaisseur // *Les images dans l'Occident médiéval / Dir. J. Baschet, P.-O. Dittmar*. Turnhout, 2015. P. 239–252.

53. *Voskoboïnikov O.* La fisiognomica scolpita alla corte sveva // *Statue. Rituali, scienza e magia dalla tarda Antichità al Rinascimento / A cura di L. Canetti*. Firenze, 2017. P. 417–442.

54. *Voskoboïnikov O.* Echt, gereinigt, gefälscht. Der Aristoteles des 13. Jahrhunderts zwischen römischer Kurie und staufischem Hof // *Verleugnete Rezeption. Fälschungen antiker Texte. Pontes Band VII / Hg. W. Kofler, A. Novokhatko*. Freiburg in Breisgau, Berlin, Wien, 2017. S. 273–288.